

ОТЗЫВ
официального оппонента
о диссертации

ОЛЕГА ИГОРЕВИЧА БЕЛЯЕВА

**Коррелятивная конструкция в осетинском языке
в типологическом освещении**

Специальность: 10.02.20 — Сравнительно-историческое, сопоставительное и
типологическое языкознание

Рецензируемая диссертация посвящена особой стратегии построения полипредикативных конструкций в осетинском языке — стратегии, которая базируется на использовании коррелятивной техники. Работа в полной мере вписывается в рамки заявленной номенклатурной специальности, поскольку исследуемый тип конструкций не только подробно описан, но и встроен в теоретический и типологический контекст, кроме того, для этого явления обрисована ареальная и диахроническая перспектива.

В работе показано, что коррелятивная конструкция является сквозным структурным приемом осетинской полипредикации, и этот механизм описывается как интегральный, он распространяется не только на конструкции, которые традиционно рассматриваются как вариант относительных, но и на те зоны, которые обычно закреплены за конструкциями с сентенциальным актантом и сентенциальным сирконстантом.

По степени оригинальности результатов, объему и качеству собранного материала, по уровню предложенных обобщений данное исследование не только соответствует требованиям, предъявляемым к квалификационным сочинениям такого рода, но и значительно превосходит их.

Теоретическая и типологическая валидность диссертации обеспечивается её солидной эмпирической базой. Работа полностью опирается на данные письменных текстов Осетинского национального корпуса и устных текстов проекта «Исследования по осетинской грамматике». Существенно, что автор диссертации является одним из создателей двух этих важнейших открытых ресурсов и знаком с этим материалом «изнутри». Важно также, что корпуса используются не просто как источник иллюстративных примеров, но и как ресурсы, позволяющие проводить количественный

анализ грамматических явлений, невозможный без применения корпусных методик. Так, например, во второй главе приводятся и обсуждаются данные о сравнительной частотности отдельных маркеров подчинения в устной осетинской речи, а в пятой главе эти данные сопоставляются с результатами, полученными самим автором при анализе устных адыгейских текстов, и результатами, полученными другими исследователями для корпуса устной русской речи. Это количественное сравнение позволило автору выдвинуть гипотезу о том, что распространенность коррелятивной техники в осетинском языке может быть объяснена, в частности, контактным влиянием абхазо-адыгских языков. Квантитативный анализ используется в работе и при исследовании линейной позиции плавающих союзов: было показано, что плавающие союзы приблизительно в 70% случаев занимают начальную позицию; наряду с некоторыми другими данными о линейном устройстве зависимой клаузы это позволило предположить, что канонической структурной позицией плавающего союза является именно начальная. Иначе говоря, если использовать принятое в англоязычной корпусной лингвистике противопоставление, в работе применяется не «corpus-based approach», а «corpus-driven approach».

Для теоретической интерпретации полученных данных Олег Игоревич использует аналитические инструменты, разработанные в современном синтаксисе и формальной семантике, прежде всего в Лексико-функциональной грамматике (ЛФГ) и Теории репрезентации дискурса (DRT). В работе предлагается формализация структуры осетинских коррелятивов, однако она не является самоцелью, а показывает, что применение избранного аппарата позволяет получить новые содержательные результаты. Разделы, связанные непосредственно с представлением формальной структуры конструкции, аккуратно встроены в общую канву изложения. Очерк, излагающий основы Лексико-функциональной грамматики, вынесенный в приложение, имеет самостоятельную ценность и может компенсировать отсутствие подобного рода обзоров на русском языке для тех, кто преподает или изучает современные синтаксические теории.

Существенно, что анализ синтаксической структуры осетинских коррелятивов дополняется исследованием их семантики. Здесь наиболее интересные результаты связаны, на мой взгляд, с изучением тех случаев, когда относительная группа в составе зависимой клаузы и ее коррелят в главной клаузе оказываются не полностью кореферентны. Сюда относятся, например, случаи с так называемыми расщепленными antecedентами, как в примере (327) на стр. 171 : *‘Какие товары_i, какая сила_j были в городе, какое богатство_k было, войска их_{i+j+k} унесли.’*, где коррелят *их* является общим для *товаров*, *силы* и *богатства*. Или еще более изысканные конфигурации, когда относительная группа и коррелят связаны ассоциативной связью, как в примере (333) на

стр. 173: *‘... им какие поминки нужны, эти расходы я беру на себя.’* И особенно меня, как человека, занимающегося нечеткой номинацией в речи, тронули примеры, в которых коррелятами являются заместители в форме ассоциативного множественного числа в значении ‘например, такие вещи и все такое’, а множественными относительными группами – возможные элементы незаконченного списка, как в примере (338) на стр. 175: *‘Люди увидели, какую нищету фашистские армии принесли стране, какой вред они сделали [селу] Таджикау, такого рода вещи.’*

В целом, диссертация имеет внятную прозрачную структуру, написана ясным языком, аргументация сформулирована взвешенно и последовательно; уважительные отсылки к достижениям предшественников сделаны не формально, а с подробным анализом, позволяющим оценить «прирост» научного знания на каждом этапе анализа. Обращает на себя внимание солидный список публикаций автора по теме исследования – как в отечественных, так и в зарубежных изданиях с серьезной профессиональной репутацией. Апробация работы на представительных, в том числе международных конференциях первого ряда также говорит о том, что полученные в работе результаты востребованы профессиональным сообществом.

Обращусь теперь к некоторым дискуссионным моментам работы.

Первое. Я отдаю себе отчет в том, что в работе не ставилась задача построить типологию коррелятивных конструкций, но очень бы хотелось понять, как осетинские коррелятивы соотносятся с общим пространством возможностей для конструкций, в которых предусмотрена анафорическая связь между аргументами двух синтаксически связанных клауз. В разделе 5.2 «Типологические параллели» автор затрагивает эту тему, но не развивает ее. Между тем, многофакторный анализ, предложенный в диссертации для осетинских коррелятивных конструкций, показывает, что в число необходимых тестовых вопросов для обобщающей типологической классификаций должны, по-видимому, войти следующие:

- располагается ли клауза с относительной группой слева или справа от клаузы с антецедентом;
- располагается ли антецедент контактно или дистантно по отношению к клаузе с относительной группой;
- образует ли антецедент единую составляющую с клаузой с относительной группой;
- каковы референциальные статусы относительной группы и антецедента, полностью или неполностью они кореферентны;

- каков тип синтаксической связи между клаузой с антецедентом и клаузой с относительной группой – подчинение ли это, сочинение, или что-то третье, если оно предусмотрено;
- обслуживают ли коррелятивы только функциональные зоны, соответствующие sentенциальным определениям, или эта же техника используется в sentенциальных актантах и сирконстантах, в том числе причинных.

Осетинские коррелятивы, как показано в работе дают пример конструкций, в которых зависимая клауза предшествует главной, может не примыкать к корреляту и не образует с ним единой составляющей; относительная группа и коррелят не обязательно кореферентны; а коррелятивная техника используется во всех видах подчинительных полипредикативных конструкций. С другой стороны, в прототипических относительных предложениях в языках типа русского зависимая клауза находится в постпозиции к главной, непосредственно следуя за антецедентом и образуя с ним единую составляющую; относительное местоимение обычно кореферентно своему антецеденту; в главной клаузе в качестве антецедента или в его составе может использоваться соотносительное местоимение и эта техника ограничено используется и в других типах полипредикации. Возникает ряд вопросов и, в частности: какие еще комбинации признаков, в принципе, могут быть представлены в языках? какие параметры являются независимыми, а какие связанными? Например, в диссертации показано, сфера действия ограничительных частиц свидетельствует о том, что в тех случаях, когда зависимая клауза непосредственно предшествует корреляту, она образует с ним единую составляющую. Вопрос: это свойство только осетинских коррелятивов, или оно универсально?

Для того, чтобы ответить на вопросы такого рода, полезно привлечь данные о конструкциях с нетривиальным сочетанием значений перечисленных выше признаков. Приведу пару примеров. В русском языке примерно одном случае из ста (по данным НКРЯ) относительное придаточное может отрываться от вершины, ср. *Рыдание было причудливое, будто курица квохтала, которую душат*. [Юрий Трифонов. Дом на набережной (1976)] , или *Я с солдатами и офицерами разговаривала / которые были на первой войне*. [Беседа в Петербурге (2001)]. Считаем ли мы здесь, что вершина и придаточное образуют единую, но разрывную составляющую? В русском языке положительное решение может подкрепляться тем, что относительное местоимение согласуется с антецедентом по роду и числу. А если в языке такого согласования нет? Можно ли надеяться на тесты с кванторами или еще на какие-то?

Другой пример. В русском языке имеются относительные предложения, в которых антецедентом является целиком главная клауза, ср. *Вася прыгнул с парашютом, что стало для всех полной неожиданностью*. При этом относительное местоимение может иметь более широкую референцию, чем антецедент, например, генерическую, *Вася прыгнул с парашютом, чего у нас здесь никто не делает*. Попадут ли такие конструкции в один ряд с осетинскими коррелятивами, в которых предлагается усматривать кореферентность (хотя и синтаксически мотивированную), а не связывание переменной, в отличие от канонических относительных придаточных.

Наконец, третий, последний, пример. В японском языке возможны относительные предложения, в которых относительная группа отсутствует не только на поверхностном, но и на глубинном уровне, даже в виде следа, так как для нее не предусмотрена структурная позиция. Например, в предложении вида *Таро рыбу жарящий запах я чувствую* в зависимой клаузе *Таро рыбу жарящий* нет структурной позиции для аргумента *запах*. Можно ли здесь говорить о кореферентности аргументов двух синтаксически связанных клауз, или для этого параметра нужно будет предусмотреть в типологической классификации некоторое специальное значение.

Еще раз скажу, что ответы на подобные вопросы выходят далеко за рамки рецензируемой диссертации. Вместе с тем, работа получила бы дополнительное типологическое измерение, если бы удалось очертить, хотя бы предварительно, состав параметров, необходимых для построения, если угодно «типологической анкеты» для коррелятивов.

Мое второе замечание касается не содержания, а способа презентации. В целом, текст работы построен очень культурно, написан в хорошем академическом стиле. Более того, электронный вариант диссертации выполнен технологично с детальными гиперссылками, что позволяет рецензенту оперативно переходить от ядра работы к нужным местам в библиографии и приложениях, явно была проведена автоматическая проверка орфографии. Но, к сожалению, в тексте осталось немало следов торопливости, которые не могли быть устранены механически, а требовали унылой ручной проверки. Так, в примере (10) на стр.21 приведена и правильно отгlossирована форма суперлатива, а в пояснении написано, что это был пример на инессив. В примерах (370) на стр. 182 и (450) на стр. 231 выпали глоссы. На стр.194 первый абзац заканчивается словами «кроме того». На стр. 223 имеется следующий абзац: «Однако ни в общем обзоре в [Masica, 1991], ни в каких-либо работах, посвящённых коррелятивам в индоарийских языках, не описано использование коррелятивов для придаточных причины, условия или цели.». В этот абзац придаточные условия попали, видимо, по ошибке, поскольку чуть выше

формулировался тезис, что коррелятивы характерны для придаточных условия, но не типичны для придаточных причины и цели. На стр. 299 в предложении «Все эти конструкции **будут** важны при формализации синтаксической структуры и семантики осетинских коррелятивов» будущее время, по-видимому, свидетельствует о том, что цитируемый текст приложения первоначально входил в основной текст работы, где и предшествовал разделу про формализацию.

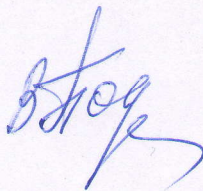
Наконец, не могу не заметить, что предмет исследования очевидным образом накладывает особый отпечаток на способ изложения, иначе как объяснить, возникновение следующей коррелятивной конструкции в разделе «Благодарности»: «Кто когда-либо комментировал какие-либо идеи этой работы, всем им я также хочу сказать спасибо!»

В целом, перечисленные выше замечания никак не отменяют фундаментальности поставленных в работе проблем и объема проделанных исследований. Они лишь показывают, что обсуждаемые вопросы и предложенные решения стимулируют читателя к внимательному чтению, собственным размышлениям и осмысленной полемике. Считаю, что диссертация Олега Игоревича Беляева «Коррелятивная конструкция в осетинском языке в типологическом освещении» – безусловно соответствует требованиям ВАК, предъявляемым к кандидатским диссертациям, изложенным в "Положении о порядке присуждения ученых степеней", а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Основные положения диссертации отражены в работах автора, опубликованных, в том числе, в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАКом.

21 апреля 2014 г.

Доктор филологических наук,
профессор

В.И.Подлесская

Подпись В. И. Подлесская

УДОСТО

Ученый секретарь

